

Эрнст
Неизвестный:

Тр-г. - 1992. - 15 248

НА МОИХ ЧАСАХ НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ВРЕМЯ

Серое зимнее утро. Москва, улица Димитрова. Гости-ница «Октябрьская», принадлежавшая прежде ЦК КПСС, а теперь — аппарату Президента РСФСР. В номере на девятом этаже в мягком глубоком кресле сидит Эрнст Неизвестный. Человек, при жизни заслуживший звание величайшего скульптора XX века. Профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке. Наш бывший соотечественник, пятнадцать лет назад, что называется, выпихнутый за границу.

Через несколько часов Неизвестному уезжать в Екатеринбург, город, где он родился, откуда ушел на фронт в Великую Отечественную и куда вернулся инвалидом войны. Но это не поездка по местам молодости. Скульптора ждет работа над монументом жертвам сталинских репрессий. Впрочем, до самолета еще есть время...

— Эрнст Иосифович, вы из окна своего номера выглядываете?

— Ну да, конечно.

— Значит, вы видели так называемый музей монументальной скульптуры эпохи тоталитаризма? Из разных концов Москвы свезли в одно место свергнутые памятники Дзержинскому, Калинин, Свердлову, Ленину. Интересно узнать об этом ваше мнение — как скульптора.

— Акты вандализма, к сожалению, в истории были всегда. Возьмем, к примеру, Эхнатона, великого египетского реформатора, первого дохристианского монотеиста, введшего единобожие — примат и поклонение богу Солнца — Ра. Эхнатон пытался уничтожить памятники своему отцу и всем предшествующим фараонам. А после стали уничтожать уже эхнатовские монументы. Очень цинично поступали римляне: когда ухотил один император, они отрезали голову у памятника, изображавшего прежнего правителя, и ставили на его место новую. Великий художник Гюстав Курбе был инициатором сношения предреволюционных монументов во Франции. Так что подобное обращение с памятниками свойственно не только советскому человеку.

Когда я был молодым человеком, то работал на одном из уральских заводов литейщиком. Ночами отлил несколько скульптур из отходов металла. Они были сделаны грубовато, но в этом была определенная прелесть. Мои же коллеги, увидев эти работы, стали требовать, чтобы их переплавили на утюги. — Лил-то я из чугуна. Это говорилось на полном серьезе. Меня спасли Коненков и Корин, спасибо старикам.

Монументы должны жить. Передвигаться им иногда, конечно, приходится, ведь памятники часто несут символическое значение, а символы, как и идеология, имеют обыкновение меняться. Но разрушать созданное другими — это варварство.

— Успел убедиться, что журналисты к вам в очередь записываются. И у всех вопросы, вопросы, вопросы... Как вы ощущаете себя в роли оракула?

— А я не оракул. То, что за мной интервьюеры охотятся, считаю недоразумением и не сче-

дитесь на меня, в определенной степени российским рабством. У нас ведь одно из двух — или лупят до конца, или любят до конца. Я помню эту ненависть ко всем отъезжающим... Я еще тогда говорил, что она обернется безмерной любовью ко всем приезжающим. Высокомерие и подлострастие — это две стороны одной медали. Хотя, конечно, то, что ко мне и моим друзьям, которые прожили какое-то время на Западе, обращаются за советом, по-своему закономерно. У нас есть определенный опыт, позволяющий совмещать жизнь там и здесь и делать определенные выводы.

У меня недавно вышла книжечка с дурацким названием «Говорит Неизвестный». (Клянусь, это не я придумал!) В ней собраны мои статьи, интервью, выступления, сделанные в разное время. Оказалось, мне удалось предугадать события, которые происходят в России сегодня. Конечно, не с точностью до миллиметра, но все же. Произошло это, на мой взгляд, в силу того, что люди, профессионально занимающиеся политологией, советологией, слишком дорожат своей репутацией и боятся совершить ошибку. Поэтому их прогнозы очень осторожны, взвешенны. Предсказания же требуют определенной раскованности, даже бесшабашности. Я ничем не рисковал, поэтому и говорил то, что думал.

— Поговорим о русской эмиграции... Известно, что она весьма неоднородна. В том же Париже мирно уживаются Владимир Максимов и Эдуард Лимонов, исповедующие различные политические взгляды...

— Ну не всегда мирно уживаются. Лимонов и Максимов — возможно, но Синяевский и Максимов — уже нет...

— И все-таки, Эрнст Иосифович, ответьте как человек, достаточно хорошо знающий нашу эмиграцию: может ли сегодня Россия уповать на помощь и поддержку русской диаспоры?

— Не берусь ответить на этот вопрос исчерпывающе, но... Когда меня не выпускали из Союза даже на открытие персональных выставок, я еще тогда сказал: «Великая держава должна иметь великую диаспору». Это закон. Потому, что даже политические противники режима, находящие-

ся в эмиграции, все равно являются, как правило, патриотами Родины.

— Но ведь сегодня эмиграция качественно меняется. Тех, кого вынудили уехать из страны в 60–80-е годы, не похожи на новую волну так называемой «колбасной» эмиграции.

— А почему человеку не изменить место пребывания, если он любит колбасу, а здесь ее нет? Я считаю вполне достаточным основанием жить, скажем, в Италии, а не в Москве, если тамошний климат больше нравится. Я не «колбасная» эмиграция, эти люди мне чужды и даже враждебны. Но если бы я был социальной персоной, которая может что-то решать, то сказал бы: не волнуйтесь из-за большого количества отъезжающих в поисках лучшей жизни. Есть на планете места, где живут и похуже России — Мексика, Бангладеш... По идее, откуда должно было все население убежать. Но ничего этого не случилось, несмотря на открытые границы. В процессе реальной, а не заидеологизированной жизни популяционный приток и отток примерно стабилизируется, как отъезд из Харькова в Киев, а из Киева — в Одессу.

Сегодня ведь многие спешат покинуть страну, боясь, что завтра мышеловка захлопнется. Но если человек будет уверен, что он спокойно, даже лениво, без героических усилий сможет пойти в кассу, купить билет, сесть в поезд, приехать в любую страну, убедиться, что там его не ждут, то он уже не будет так рваться из клетки.

Я противник точки зрения Солженицына, что Родину нельзя оставлять. Предавать нельзя — да. Но когда каждого отъезжающего рассматривали как изменника, это было ужасно и глупо. Сегодня убогое советское сознание проявляется уже в эмиграции. Решившие вернуться в Союз подвергаются такому же остракизму, как когда-то желавшие уехать из него. Советские люди и в эмиграции остаются советскими, они терпеть не могут, если кто-то проявляет самостоятельность, выбивается из строя.

— Упомянув «колбасную» эмиграцию, я подразумевал и другое. В Нью-Йорке мне приходилось встречаться с бывшими согражданами, которые, прожив полгода в Америке, говорили «у нас» и «у вас» о России эти люди всеми силами стремятся повязать связи с прошлым, забывая кем они были раньше. Можно ли рассчитывать на такую диаспору?

— Вообще всегда лучше полагаться только на себя. На кого-то начинать рассчитывать, обязательно окажешься в дерьме... Но это так, к слову. Что касается новых амери-

[Окончание на 4-й стр.]

[Окончание. Начало на 1-й стр.]

канцев из числа бывших русских, то учтите, что из многих просто прет пижонство. Помню, Волода Высоцкий у меня в мастерской рассказывал о том, как эмигранты встретили его словами: «Приветствуем у нас в Нью-Йорке!» Дороги до метро не знают, извил он, а уже — «у нас». И смех и грех, честное слово.

— Читатели не поймут меня, если я не поинтересуюсь у вас, Эрнст Иосифович, как обстоят дела с памятниками жертвам сталинских репрессий, возводимыми вами в Екатеринбурге, Воркуте и Магадане. В какой стадии находятся работы?

— Екатеринбургская скульптура закончена в трехметровом размере. У меня есть два работяги-помощника (кстати, у кого-то наверху неплохое чувство юмора, ну и команду подобрал — Неизвестный, Гробов и Грошев), они по моему глиняному эскизу изготовили скульптуру в гипсе. Теперь предстоит плитчатное увеличение монумента. Сейчас я еду, чтобы проработать детали, и, если хватит денег, начнем рубить в камне. Тех средств, которые были собраны, катастрофически не хватает. За жуткой девальвацией советских дензнаков просто не угнаться. Я встречался с Ельциным, мне была обещана финансовая поддержка.

В конце этого года рассчитываю открыть памятник в Магадане, потихоньку движется дело в Воркуте. Одним словом, хоть и с трудностями, но все идет по плану.

— Если не ошибаюсь, екатеринбургский памятник — реализация проекта, задуманного сразу после смерти Сталина?

— Да, еще в 1953 году у меня появилась эта идея. Роберт Рождественский даже написал позднее стихотворение «Каменные слезы», посвященное этому проекту. Но реализовать его я смог только сейчас.

— А что нового с «Древом жизни», главным вашим делом?

— Каждый художник движет желание как бы собрать все свои творения воедино, чтобы они не разлетелись по миру бесследно, не растворились. Вспомните Данте, заковавшего себя в жесткие рамки терцин, Достоевского, мечтавшего построить храм из своих романов, Бальзака, Дикенса... Я не сравниваю себя с великими, просто хочу сказать, что «Древо жизни» для меня — идея, позволя-

ющая быть все время в работе. А если чисто практически, то трехметровую модель я уже сделал и приступаю к 15-метровой в Мексике. Натуральная же

мать. Они «хотят» манифестировать с утра до ночи под моей мастерской, мешать мне работать. Ну как такие люди могут создать хорошую жизнь?

расписанный на несколько лет вперед.

Да, я могу вернуться. Но что я тут буду делать? Раздавать интервью? Или бегать, высунув

язык, попросту не интересует. Земная слава — она для меня давно уже не цель, а инструмент.

— Вы сталкиваетесь с нашими бытовыми трудностями? Талоны, купоны на продукты, отвратительный общепит...

— Знаете, для меня это своего рода экзотика. Воспоминания о детстве. Даже интересно снова попробовать ту жуткую пищу, которую я ел когда-то. Наверное, если бы я задержался надолго, мне бы это надоело. Но на месяц меня хватает.

— Завершая беседу, хочу вернуться к ее началу. Интересен ваш взгляд со стороны на нашу жизнь. Вы можете объяснить, почему перестройка не дала толчка развитию культуры? Если это действительно революция, как о ней говорят, то рынок искусств — неотъемлемая черта любой революции.

— Это одна из больших проблем, на которую у меня нет ясного ответа. Дело в том, что всякие большие исторические встряски действительно всегда стимулируют художественную жизнь. Так было, к примеру, и с Французской революцией, и с Октябрьской. Вспомните семнадцатый. Сколько новых символов появилось: серп и молот, красное знамя... Целая армия авангардистов работала на это. А ведь разруха и голод были тогда не меньше. Людей ели. Сейчас до этого, кажется, не дошло. Но сегодня новых художественных идей нет. Мастера молчат. Мне сдается, произошло это потому, что, отказавшись от старых догм и не создав новой идеологии, вы оказались в пустоте.

Мне встречались люди, которые козырили тем, что хорошо знают Дьюи, идеолога «американского образа жизни». Ах, Дьюи, ох, Дьюи! А что такое Дьюи? Для западного мира его идеи так же стары, как проект Беломорского канала. Давайте еще вспомним Адама Смита, Тейлора! Мы снова отстаем. Надо изобрести что-нибудь поумнее лозунга «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным».

— Смотрю на ваши часы и никак не пойму, по какому времени вы живете?

— По нью-йоркскому, мой друг, по нью-йоркскому...

...Он резко встал из кресла и засобирался в дорогу. До самолета оставалось всего ничего.

Беседу вел
Андрей ВАНДЕНКО.

НА МОИХ ЧАСАХ НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ВРЕМЯ

ведичина «Древа» — 150 метров. Чтобы реализовать этот проект, нужны деньги, большие деньги. Мир же сегодня так прагматичен...

— В своих прозаических заметках «Лик — лицо — личина» вы весьма образно и емко изобразили партаппаратчиков, разделив их на «красненьких» и «зелененьких». Скажите, у вас еще не появилось желание подобным образом классифицировать новых российских демократов?

— Во-первых, я противник терминологических клише. Деление на демократов, консерваторов и реакционеров в достаточной степени условно. Речь нужно вести о другом. Есть люди, психологически склонные разоблачать и критиковать. Это неплохо. Но большей частью такие субъекты не способны к созиданию. Если тем, кто находится сегодня у власти, удастся научиться обходиться без приставки «не», то они победят. Пока ведь они карьеру делают на разоблачении и отрицании. Мы воспитаны на марксистском негативизме, все — и партноменклатура, и либералы, и диссиденты, и демократы, и даже неофашисты — умеем лучше всего отвергать. Вообще хорошо бы всю страну сдать в оппозицию, мы бы стали гениальной оппозицией мира, так бы других критиковали, что только держись.

Сегодня пришло время действия, но мы ведь делать ничего не хотим! Приведу вам один пример. В Екатеринбурге нашлась немногочисленная группа горожан, выступающих против моего памятника. От них приходится охранять модель, чтобы ее не разломали. Тысячи людей шлют деньги на монумент, а этим не нравятся — и все тут. Ладно, вы против, так к чему митинговать, силы тратить? Найдите средства, поставьте свой памятник.

Нет, не «хотят» свое строить, проще критиковать, чужое ло-

Да, посмотрелся я на таких ниспровергателей. Даже хочу написать книгу «Практика великого ничего, или Племя Не».

— Но вы ведь не только саркастические вещи пишете. Читал с такой грустью и ностальгией вы вспоминаете проспект Мира, 41, где раньше жили. Не хочется туда вернуться?

— А я там был, но ничего не нашел. Все снесено, перестроено. Ходил-ходил, так и не смог разобраться, где же мой дом стоял. Не отыскал, как ни старался.

Предвидя ваш возможный вопрос, отвечу, что мысль вернуться в Россию посещает меня часто. Особенно в последнее время. Но есть одна простая вещь: я давно живу в ином мире. Я небедный человек, у меня работа, заказы, собственный бронзолитейный заводик, мастерские в разных местах мира, штат помощников, план выставок,

язык, в поисках гвоздей и глины для работы? Я ведь немолод, мне давно пошел седьмой десяток.

Я приехал в Россию на месяц. Значит, выпадаю из своего американского графика месяца на 3—4, а то и на полгода. Вы имеете в виду, что ситуация на Западе такая, что ты как в море: опустил руки, перестал держаться на плаву — и пошел ко дну. Сейчас я сознательно отбрасываю себя назад. Я готов пойти на такие жертвы, но совсем лишиться возможности нормально работать...

— Это не говорится вслух, но как бы подразумевается: вы отдаете долг Родине. В США вышла книга о 34 знаменитых иностранцах, живущих в Америке, и вам доверена честь представлять Россию. А между тем в последнем выпуске Советского энциклопедического словаря ваша фамилия даже не упоминается. Обидно, должно быть?

— Признаться, меня это обстоятельство абсолютно не тро-